

Только что шумевшая толпа юношей мгновенно притихла, словно цикады в пору осенних холодов, и все потупили взоры.

Бай Ван не удержался и про себя усмехнулся: этот Лю Вэньмин в нынешнем воплощении стал донельзя суровым и нелюдимым.

В мгновение ока Лю Вэньмин оказался прямо перед Инь Хуайсянем. Слегка нахмурившись, он произнес:

— Старший брат.

— М-м, — отозвался Инь Хуайсянь. Его холодный, пронзительный взгляд встретился с глазами Лю Вэньмина. В воздухе повисло тяжелое, давящее молчание. Спустя долгое время Лю Вэньмин отвел взгляд и холодно спросил у остальных:

— Что за шум? Почему вы здесь собрались?

— Второй старший брат, — Цзян Лань поднял голову и, бросив опасливый взгляд на Инь Хуайсяня, ответил: — Гость почтенного наставника остановился на горе, и мы боялись, что он потревожит покой старшего брата, поэтому...

— Гость наставника? — Лю Вэньмин нахмурился.

— Именно! Если бы я случайно не увидел, как старший брат ведет гостя к себе, кто бы знал... ай! — Сюй Ую, не умеющий держать язык за зубами, получил пинок в голень от Цзян Ланя и тут же подавился словами.

Лю Вэньмин снова посмотрел на Инь Хуайсяня. Бай Ван понял, что прятаться больше нет смысла, выглянул из-за спины Инь Хуайсяня и улыбнулся:

— А, наслышан, наслышан. Прошу прощения за беспокойство.

Лю Вэньмин внезапно распахнул глаза. Всегда безупречно вежливый, он надолго лишился дара речи, а в его глазах читались шок и полнейшее недоумение.

Бай Ван не удержался и, пригнувшись за спиной Инь Хуайсяня, прошептал:

— Вот и всё, я даже ночи не провел, а твоя безупречная репутация уже подпорчена. Посмотри на лицо своего младшего брата — боюсь, он решил, что мы тут с тобой сошлись.

Инь Хуайсянь ничего не ответил, продолжая молча смотреть на Лю Вэньмина.

Тишина затянулась.

Даже Бай Ван начал чувствовать, что что-то здесь не так. Неужели это настолько шокирующее событие? Неужели они в самом деле подумали, что у нас с Инь Хуайсянем какая-то сомнительная связь?

Спустя еще какое-то время Лю Вэньмин наконец разомкнул губы:

— Старший брат, согласно правилам, почетные гости должны проживать в Павильоне Собрания Мудрецов.

— Правила не высечены в камне, гость может выбрать сам, — невозмутимо ответил Инь Хуайсянь.

— Господин, — Лю Вэньмин перевел взгляд на Бай Вана. — Павильон Собрания Мудрецов предназначен для приема гостей Секты Цинсуй Цзюсяо. Здесь условия довольно скромные, боюсь, мы не сможем оказать вам должного внимания. Прошу, пройдемте в Павильон.

Бай Ван прикинул: если дело зашло так далеко и все вокруг смотрят на него как на осквернителя чести Инь Хуайсяня, то оставаться здесь — значит стать всеобщей мишенью.

Он кивнул и сделал несколько шагов, выходя из-за спины Инь Хуайсяня, но тут Инь Хуайсянь внезапно перехватил его за запястье, не давая уйти.

Погоди, на нас же все смотрят! Инь Хуайсянь, как же твоя кристально чистая репутация старшего брата?

Бай Ван в испуге вырвал руку.

Взгляд Инь Хуайсяня внезапно померк. Его рука, оставшаяся висеть в воздухе, медленно сжалась в кулак и опустилась вдоль тела.

У Бай Вана екнуло сердце. Плохо дело. Теперь это выглядит так, будто Инь Хуайсянь испытывает к нему чувства, а он его отверг.

Старший брат Секты Цинсуй Цзюсяо на глазах у всех младших учеников был отвергнут каким-то безымянным проходимцем.

Это же катастрофа вселенского масштаба, удар молнии в ясный день!

Инь Хуайсянь опустил глаза и уже собрался вернуться в дом, как Бай Ван внезапно сделал шаг

вперед, схватил его за руку, которую тот только что отдернул, и, поднеся ее к лицу, громко заголосил:

— Даос! Я буду скучать по тебе! Это всё моя вина — я настоял на том, чтобы остаться здесь, и поставил тебя в неловкое положение. Но ты, даос, такой добрый, что не смог мне отказать! Дао-о-ос!

Слово даос в исполнении Бай Вана прозвучало настолько надрывно и витиевато, что юноши отшатнулись на шаг назад.

Бай Ван довольно кивнул про себя: идеально. Образ навязчивого гостя создан. Теперь репутация Инь Хуайсяня должна быть в безопасности.

Он поднял взгляд. Лицо Лю Вэньмина выражало полное замешательство. Он долго пытался подобрать слова и наконец выдал из себя:

— Пожалуйста, не надо так.

Бай Ван прыснул со смеху.

Боже мой, прошло две жизни, а этот глупыш до сих пор не выучил ничего, кроме этой фразы!

Инь Хуайсянь, судя по всему, тоже был удивлен, но сохранял прежний невозмутимый вид. Бай Ван отпустил его руку и картинно вздохнул:

— Даос, я пойду в Павильон Собрания Бессмертных.

— М-м, — отозвался Инь Хуайсянь, чувствуя, как рука освободилась. Он изо всех сил подавил желание схватить Бай Вана снова.

— Идемте, идемте, кто-нибудь из юных героев, проводите меня, — Бай Ван знал дорогу, но продолжал усердно играть свою роль.

— Господин, прошу за мной, — произнес Лю Вэньмин.

Бай Ван ответил, и, решив, что спектакль нужно доиграть до конца, обернулся к Инь Хуайсяню:

— Даос, я еще вернусь к тебе.

И тут случилось неожиданное: Инь Хуайсянь, услышав эти слова, внезапно распахнул глаза, сделал шаг вперед и снова схватил Бай Вана.

Да когда же это кончится?!

— Старший брат, — окликнул его Лю Вэньмин.

Инь Хуайсянь словно не слышал. Он смотрел на Бай Вана, и в его глазах читались такая боль и смятение, что Бай Ван опешил.

— Ты... — начал было Инь Хуайсянь, но его прервал звучный, подобный звону драгоценных камней голос:

— Хуайсянь, Вэньмин, уже полночь. Почему вы еще не отдыхаете? Что за шум?

— Наставник! — воскликнул Цзян Лань.

Цюнфан-цзюнь, облаченный в белоснежные одежды, с метелкой в руке, приближался легкими и уверенными шагами, словно ступая по свежему снегу.

— Наставник! — Лю Вэньмин поспешно поклонился, остальные последовали его примеру.

— Учитель, — произнес Инь Хуайсянь, отпуская руку Бай Вана.

Цюнфан-цзюнь посмотрел на Инь Хуайсяня и Бай Вана, окинул взглядом остальных и, кажется, всё понял. Он тихо вздохнул:

— Вэньмин, проводи господина Бай в Павильон Собрания Мудрецов. Хуайсянь, пойдем со мной. Остальным — разойтись.

Все поспешно подчинились. Юноши, чувствуя вину, бросились врассыпную, радуясь, что пришел не Фуцю-цзунь, иначе наказания было бы не избежать.

— Хорошо, что второй старший брат увел его в Павильон, — прошептал Сюй Ую, поравнявшись с Цзян Ланем. — А что, если Инь Хуайсянь и правда переродился и замышляет что-то недоброе против нашего старшего брата?

— Не болтай ерунды, — Цзян Лань толкнул его в бок. — В этой жизни он наш старший брат.

— Хм, если бы не он в прошлой жизни, Секту Цинсуй Цзюся не уничтожили бы! И вообще, все мы помним прошлую жизнь, кроме него...

— Всё, замолчи, — оборвал его Цзян Лань.

— Ладно-ладно, молчу. Но как думаешь, старший брат тоже помнит? — не унимался Сюй Ую.

— Не знаю, — Цзян Лань посмотрел на бескрайнее звездное небо.

Когда все разошлись, в бамбуковой роще остались только Цюнфан-цзюнь и Инь Хуайсянь. В тишине слышалось лишь едва уловимое стрекотание насекомых.

Наконец Цюнфан-цзюнь нарушил молчание:

— Хуайсянь, я знаю о твоих чувствах к Вану, но ты ни в коем случае не должен раскрывать, что переродился. Иначе изгнание из секты покажется тебе самым мягким наказанием.

— Благодарю за предупреждение, учитель, — холодно ответил Инь Хуайсянь.

— Иди, отдохни, — вздохнул Цюнфан-цзюнь и, развернувшись, ушел.

Инь Хуайсянь долго стоял неподвижно, а затем прошептал:

— Но ведь ты не вернулся за мной...

В его глазах застыла бесконечная печаль.

В чистой и просторной комнате Павильона Собрания Мудрецов Бай Ван лежал на мягкой кровати, уставившись в потолок.

Не спится. Может, потому что только что проснулся?

Он перевернулся на другой бок. Ему не давало покоя поведение Лю Вэньмина — тот явно хотел что-то сказать, но каждый раз осекался. Странно, ведь Лю Вэньмин не из тех, кто привык колебаться.

А еще...

Бай Ван вспомнил взгляд Инь Хуайсяня, когда тот удержал его. В этих глазах, обычно холодных и безразличных, читались отчаяние и смятение. Такого Инь Хуайсяня он еще не видел.

Может, он сказал что-то не то?

Что он там брякнул на прощание?

«Даос, я вернусь к тебе».

Бай Ван снова прошептал это в пустоту, и странное, смутно знакомое чувство поднялось из глубины его груди. Казалось, давным-давно он уже говорил что-то подобное.

Когда это было?

Кажется...

Внезапно его осенило. Бай Ван рывком сел на кровати, будто подброшенный пружиной.

Он вспомнил.

В прошлой жизни, когда он падал со скалы, Инь Хуайсянь держал его за руку и умолял не сдаваться. Бай Ван, считая себя главным героем, у которого есть сюжетная броня и который не может умереть, нес какую-то чушь про то, что он — протагонист, что он бессмертен.

Но Инь Хуайсянь не отпускал его руку.

В конце концов Бай Ван попытался его утешить:

— Не бойся! Я вернусь за тобой! Подожди меня, я прокачаюсь и вернусь! Слышишь?

А потом он решительно разжал пальцы и полетел вниз.

— Да чтоб тебя!!!

Бай Ван обхватил голову руками и, свернувшись калачиком, застонал.

Вот дурак, вот идиот! Зачем он тогда нес такую чушь? Какой еще главный герой?

Упал со скалы и разбился насмерть!

И ведь пообещал вернуться... Если бы он был на месте Инь Хуайсяня, он бы сам себя прибил за такие слова.

Постой, но ведь он проверял Инь Хуайсяня: тот не перерождался. Значит, и воспоминаний о прошлой жизни у него быть не должно.

Бай Ван нахмурился.

Так ли это на самом деле? Инь Хуайсянь... он точно не перерождался?

<http://bllate.org/book/19399/1899636>